

Сифна сквозь щель в брезенте заглянула на открытое пространство между скалой и городской стеной. Она просто не верила своим глазам! Перед ней расстиралось чистое лазоревое небо и ослепительное солнце. Свет, исходивший от Тано и Ситсара, который только что казался тусклым и холодным, теперь превратился в самое прекрасное сияние, какое ей доводилось видеть. Песчаная буря утихла, и всё снова погрузилось в покой. Куда делся песок? Почему всё не оказалось погребено под ним? В городе всё еще было отчетливо видно: огромные каменные блоки на стенах, мерцающие мозаики, камни на шпиле храма Солнца. Даже большая часть палаток устояла, причем важнейшие из них почти не пострадали. Сильнее всего разрушились жилища рабочих, но на их починку ушло бы всего несколько часов.

Охваченная удивлением и тревога заставила Сифну выйти из укрытия и оглядеться по сторонам. Легкий поверхностный песок на земле сдуло, и теперь отчетливо виднелся высохший, уплотненный черный слой раскопок. Вот только выглядел он иначе: его поверхность была исчерчена каким-то странным образом, земля была чистой, без каких-либо следов осадочных отложений, принесенных бурей. Балик сильно удивился и произнес:

— Сначала пришел песок, а следом — ветер. Ветер подхватил песок и ударил им по нам, но песчинки почти в тот же миг, как коснулись земли, снова подхватывало ветром, и несло их дальше на юг. Посмотри-ка — на земле остались борозды, а тонкий слой поверхностного песка сдуло ветром. Пять минут завершили пятидесятый год выветривания. И тем не менее...

Сифна почти не слышала ни слова. Она схватила Балика за руку и заставила повернуться спиной к главному месту раскопок.

— Посмотри туда, — сказала она.

— Куда? Что случилось?

— Гора Томбо.

Она указала пальцем.

Широкоплечие глаза стратиграфа мгновенно округлились.

— О боже! Гору раскололо надвое!

Гора Томбо представляла собой холм странной формы, расположенный к югу от главного города, примерно в четверти часа ходьбы. Больше ста лет ее никто не раскопки не вел, со времен второй экспедиции великого первопроходца Гордо 221 к ней никто не проявлял интереса, да и сам Гордо считал ее незначительной. Всеобщее мнение сводилось к тому, что это лишь свалка, куда древние жители Бекримота выбрасывали кухонные отходы — и хотя само по себе это представляло известный интерес, на фоне других, полных чудес участков раскопок гора казалась сущим пустяком.

Очевидно, гора Томбо приняла на себя самый яростный удар бури: то, чем поколения археологов заниматься не хотели, мощь песчаной бури завершила в мгновение ока. Наветренную сторону холма изрезали кривые, неровные щели, похожие на жуткие раны, обнажившие внутренние слои на самой макушке склона.

Таким опытным археологам, как Сифна и Балик, достаточно было одного взгляда, чтобы понять всю важность находки.

— Под свалкой скрываются руины целого города, — тихо произнес Балик.

— По-моему, не одного, а нескольких, — сказала Сифна.

— Ты так думаешь?

— Смотри, посмотри туда, налево. Под тем широким фундаментом разве не перекрещивающиеся прямые стены?

— Ты права.

Сифна вдруг вздрогнула, и теплая волна разлилась по всему ее телу. Она повернулась к Балику и увидела, что он тоже поражен. Его глаза были широко раскрыты, а лицо побледнело.

— Спасибо этой буре! — сипло выдавил он, набравшись храбрости. — Что мы извлечем из этого, Сифна?

— Я и сама не знаю, но немедленно берусь за поиски.

Она обернулась и посмотрела на убежище под скалой. Надсмотрщик Сувик и рабочие все еще испуганно жались там, приняв благочестивые позы и бормоча молитвы низкими, дрожащими голосами, словно еще не осознав, что они благополучно пережили эту ужасную песчаную бурю.

— Сувик! — громко позвала Сифна, сделав ему резкий жест — настолько властный, что он граничил с гневом. — Выходи вместе со своими людьми! У нас появилась работа!

Халим 682 был крепким, крупным мужчиной лет пятидесяти, с очень развитыми мышцами на груди и руках, покрытыми толстым слоем жира под кожей. Шелин внимательно изучил его через окно больничной палаты и сразу почувствовал, что сможет с ним ладить.

— Я всегда питал слабость к... ну, к крупным людям, — объяснил психолог Кейларитану и Чубило, — потому что провел так большую часть своей жизни, понимаете ли? Конечно, по сравнению с ним я далеко не так атлетичен.

Шелин довольно улыбнулся.

— Жир на мне нарастает слоями. Кроме этого места, разумеется, — добавил он, хлопнув себя по голове...

— Чем занимался этот Халим?

— Портовым грузчиком, — ответил Кейларитан. — Тридцать пять лет трудился в порту Джоллера. В лотерее он выиграл билет на открытие Таинственной туннель. Жена и дети тоже пошли с ним и пострадали в разной степени, но он отделался хуже всех. Из-за этого он испытал сильнейшее унижение: крепкий взрослый мужчина, а расклеился окончательно.

— Я прекрасно это понимаю, — сказал Шелин. — Я приму это во внимание. Мы пойдем и поговорим с ним, хорошо?

Они вошли в палату. Халим уже сидел на кровати, уныло разглядывая вращающийся объемный простаивающий прожектор на потолке, разноцветные огни которого падали на стену напротив койки. Он приветливо посмотрел на Шелина, но стоило ему заметить адвоката Чубило, следовавшего за заведующим, как его лицо помрачнело, превратившись в ледник.

— Кто это такой? — спросил Халим. — Опять адвокат?

— Нисколько. Это Шелин 501 из Университета Саро. Он пришел сюда, чтобы помочь тебе поправиться.

— Ну да, — с сильным носовым выдохом хмыкнул Халим. — Еще один гений! Сколько же вы мне добра причинили?

— И то верно, — сказал Шелин. — По-настоящему помочь Халиму поправиться может только сам Халим, не так ли? Это понимаешь и ты, и я, а возможно, мне удастся сделать так, чтобы это понял и каждый в этой больнице.

С этими словами он присел на край кровати. Под его тучным телом матрас заскрипел.

— Впрочем, кровати здесь по крайней мере настоящие. Будет неплохо, если она выдержит вес нас обоих... Не любишь адвокатов, верно? Я тоже. Можно сказать, мы с тобой родственные души.

— Кроме боли и несчастий, они ничего не умеют делать, — отозвался Халим. — В головах одни гадости: заставят сказать то, чего не думаешь, науськают, как именно выразиться, чтобы якобы помочь, а в конце используют твои же собственные слова против тебя, выгораживая себя. Короче говоря, я о них именно так и думаю.

Шелин поднял глаза на Кейларитана.

— Была ли необходимость привлекать Чубило к этому разговору? По-моему, без него беседа прошла бы успешнее.

— Я имею право присутствовать на любой... — упрямым тоном начал Чубило.

— Пожалуйста, не надо... — перебил его Кейларитан, и в его недомолвках вежливости было больше, чем в словах. — Шелин прав, для Халима трое посетителей за раз — это слишком много. К тому же все высказанные им слова вы и так слышали.

— Это... — произнес Чубило, лицо его скривилось от досады. Однако он тут же круто развернулся и вышел из палаты.

Шелин исподтишка сделал Кейларитану жест, призывая того найти место в дальнем углу. Затем он повернулся к пациенту на кровати и лучезарно улыбнулся:

— Тяжело приходится, да?

— В точку попали.

— Давно ты здесь?

Халим пожал плечами.

— Полагаю, недели две, а может, и больше. Точно не знаю, только догадываюсь. С тех пор как...

Он замолчал.

— С той самой столетней выставки в Джоллере? — подтолкнул его Шелин.

— Да, с той поездки на поезде.

— Прошло уже недели две, — повторил Шелин.

— Неужели? — Халим тут же вытаращил глаза. Сколько именно времени он провел в больнице, ему знать не хотелось. Шелин тут же сменил тактику:

— Держу пари, тебе и в голову не приходило, что настанет день, когда ты поймаешь себя на

мысли, как сильно хочешь вернуться в порт. Разве не так?

Халим криво усмехнулся:

— И вы еще смеете об этом заикаться! О, я бы душу отдал, чтобы уже завтра таскать ротанговые ящики.

Он оглядел свои руки: широкие, мощные, с загрубевшими и стертыми кончиками пальцев, один из которых искривился от старой травмы.

— Лежишь здесь целыми днями, мускулы дряхлеют. К тому моменту, как я смогу вернуться к работе, я уже ни на что не буду годен.

— Так почему ты лежишь здесь? Почему не встанешь, не оденешься и не уйдешь?

Из угла послышалось предостерегающее замечание Кейларитана. Шелин знаком велел ему молчать. Халим с удивлением посмотрел на Шелина.

— Встать и уйти?

— А почему нет? Ты же не арестант.

— Но если бы я так поступил... если бы я действительно...

Голос портового грузчика Халима затих.

— И что бы тогда было, если бы ты так поступил? — спросил Шелин.

Халим нахмурился и надолго уставился в пол. Он несколько раз пытался заговорить, но каждый раз обрывал себя на полуслове. Психолог терпеливо ждал. Наконец Халим выдавил из себя напряженным, хриплым, едва слышным шепотом:

— Я не могу отсюда выйти. Из-за... из-за... из-за... этой темноты.

Он с трудом выговорил эти слова.

— Темноты? — переспросил Шелин.

Это слово повисло между ними, словно нечто осязаемое. Халим смертельно боялся его, чувствуя себя неуютно. Шелин вдруг отчетливо осознал, что среди таких людей, как Халим, это

слово крайне редко употребляется в качестве вежливого оборота. В глазах Халима оно, если и не являлось откровенной матерщиной, несло в себе оттенок святотатства. На Кальгаше никто не желал даже думать о темноте. Чем меньше человек был образован, тем сильнее он страдал от мысли о ней, от страха перед тем днем, когда шесть верных спутников-солнц на небе вдруг безо всякой причины погаснет, сменившись непроглядной тьмой. Сама эта мысль заставляла людей отворачиваться — и уж тем более избегать произносить само слово.

— Да, темнота, — подтвердил Халим. — Я боюсь... что если выйду наружу, то снова окажусь погружен в темноту. Вот в чем проблема. Темнота, снова бескрайняя темнота.

— За последние недели его симптомы полностью обратились вспять, — тихо произнес Кейларитан. — Сначала все было с точностью до наоборот: его невозможно было загнать в помещение иначе как с помощью успокоительного. То есть, сперва наблюдалась ярко выраженная клаустрофобия, а со временем она сменилась агорафобией. По-моему, это признак выздоровления.

— Возможно, и так, — отозвался Шелин. — Если вы не возражаете...

Он повернулся к Халиму и мягко спросил:

— Ты ведь был одним из первых, кто проехал через ту загадочную тоннель, верно?

— В самый первый день, — в голосе Халима прозвучала легкая гордость. — Там продавали билеты на городскую лотерею. Наверное, разошлись миллионы билетов, и сотня человек выиграла бесплатную экскурсию по таинственной туннелю. Я оказался пятым счастливым, и мы поехали всей семьей: я, жена, сын и две дочки. Это было в первый день.

— Не мог бы ты вкратце рассказать мне об этом туннеле?

— Ну, — начал Халим, — это была...

Он слегка запнулся.

— Знаете, мне никогда в жизни не доводилось сталкиваться с темнотой. Никогда. Даже в темных чуланах бывать не приходилось. Меня это не привлекало. С самого детства в моей спальне всегда горела неугасимая лампада. Когда мы поженились и завели собственный дом, я по привычке повесил такую же в спальне. Моя жена разделяла это мнение. Жить в темноте противоречит здравому смыслу и моим убеждениям.

— Но билет ты все-таки купил.

— Да, просто ради развлечения. Понимаете? Особый опыт, можно сказать, мини-отпуск. Такое грандиозное зрелище бывает раз в пятьсот лет, не так ли? Все бросились покупать билеты. Я

подумал, что это должно быть нечто необыкновенное, там наверняка есть на что посмотреть. Иначе зачем бы ее строили? Вот я и купил билет, выиграл, а все в порту завидовали мне — каждый мечтал сорвать куш, некоторые даже предлагали выкупить у меня выигрыш. Нет, отвечал я им, этот билет не продается. У меня жена и дети, это наш семейный билет...

— Ты, должно быть, очень волновался перед поездкой через туннель?

— Да, конечно!

— С чего все началось? Когда вы сели в вагончик? Что ты чувствовал?

— Ну... — заговорил Халим. Он облизнул губы, и взгляд его устремился куда-то вдаль. — Там было множество таких вот вагончиков, кроме дощатых скамеек, внутри ничего не было. Понимаете, крыши у вагончиков не было. Люди рассаживались по шесть человек — кроме нашей семьи, нас было пятеро, так что полный состав без посторонних пассажиров. Потом заиграла музыка, и вагончик тронулся в туннель, очень медленно, совсем не как машины на скоростной трассе, просто ползком. Вскоре мы въехали под своды, и тогда... тогда...

Шелин снова немного подождал.

— Продолжай, — произнес он, видя, что Халим не собирается продолжать. — Расскажи мне, мне очень хочется узнать, что было внутри.

— А потом настала темнота, — его голос охрип, а руки начали непрерывно дрожать при воспоминании. — Понимаете, в тот самый миг, когда въезжаешь в туннель, ощущение такое, будто кто-то нахлобучил тебе на голову огромную черную шляпу, и вокруг мгновенно становится темно.

Его дрожащие руки затряслись еще сильнее.

— Я услышал смех моего сына Тернита. Мальчик он сообразительный, Тернит и впрямь очень смысленный. Он счел темноту чем-то непристойным, уверяю вас, и потому она показалась ему смешной. Я приказал ему заткнуться, тут одна из дочерей заплакала, и я стал успокаивать ее, говоря, что все в порядке, бояться нечего, в конце концов, это всего лишь на четверть часа, надо относиться к этому как к развлечению, а не как к кошмару. А потом... потом...

Снова повисло молчание. На этот раз Шелин не стал его торопить.

— А потом я почувствовал, как на меня надвигается темнота. Темнота вытеснила собой всё — темнота... вы и представить себе не можете, на что это похоже — просто невозможно представить — насколько она черна — насколько она черна — темнота — темнота...

Халим забился в конвульсиях, внезапно задрожал и разрыдался.

— Темнота — ох уж эта проклятая темнота!

— Эй, не бойся, здесь нечего бояться. Посмотри, какое прекрасное сегодня солнце! Сегодня на небе четыре солнца, Халим, будь мужчиной, не бойся...

— Предоставьте это мне, — сказал Кейларитан.

Услышав плач, он бросился к кровати. Достав сверкающий шприц, он без промедления вогнал иглу в мускулистую руку Халима, и плач тут же стих. Халим быстро успокоился, откинулся на подушки и тупо улыбнулся.

— Нам придется оставить его.

— Но мы же едва начали говорить...

— Он не придет в себя еще несколько часов, а сейчас мы можем пойти пообедать.

— Обед, да, — рассеянно произнес Шелин.

К своему величайшему удивлению, он обнаружил, что совершенно не хочет есть. Он едва ли мог припомнить, когда еще испытывал подобное чувство.

— Он что, самый тяжелый из пациентов?

— И самый стабильный.

— А как дела у остальных?

— Некоторые пребывают в состоянии сильнейшего нервного напряжения, другим приходится давать успокоительное половину времени. Поначалу, как я уже говорил, они наотрез отказывались заходить с улицы в дома. То есть, сперва у них развивалась острая клаустрофобия, а по прошествии времени она сменялась агорафобией. Понимаете? Они отказывались заходить в жилища — любые: дворцы, особняки, квартиры, апартаменты, лачуги, хижины, землянки и даже палатки.

Шелин глубоко вздрогнул. Он привык лечить пациентов, пострадавших от темноты — именно поэтому его сюда и пригласили. Но о столь тяжелых формах он еще не слышал.

— Они вообще не заходят в помещения? Где же они спят?

— Под открытым небом.

— Кто-нибудь пробовал загнать их в дома силой?

— О, разумеется, пробовали. В таких случаях у них начинается истерика, некоторые даже пытаются покончить с собой — бегут на стену, со всего маху бьются головой. В общем, в таком роде. А если уж удастся затащить их внутрь, удержать там без смирительной рубашки или лошадиной дозы успокоительного невозможно.

Шелин посмотрел на засыпающего портового грузчика и покачал головой.

— Бедняга.

— Это симптомы первой стадии. А у Халима уже вторая стадия — агорафобия. Он адаптировался здесь, и все симптомы обратились вспять. Он знает, что в больнице безопасно, здесь круглосуточно горит свет. Но даже видя солнце в окно, он всё равно боится выходить наружу. Ему кажется, что там царит непроглядная тьма.

— Но это же просто абсурд, — произнес Шелин. — Снаружи нет никакой темноты.

Едва произнеся это, он почувствовал некоторую неловкость. Впрочем, Кейларитан помог ему сохранить лицо.

— Мы-то с вами это понимаем, доктор Шелин, любой здравомыслящий человек так думает. Но беда в том, что рассудок людей, переживших травму в Таинственном туннеле, уже помутился.

— Да, я так и думал, — смущенно ответил Шелин.

— Позже сегодня вы сможете взглянуть на остальных наших пациентов, — сказал Кейларитан. — Возможно, это расширит ваш кругозор и поможет в исследовании. А завтра мы сводим вас к туннелю. Мы его закрыли. Разумеется, хотя мы и понимаем, как это сложно, городские старейшины жаждут отыскать способ снова открыть его. Понимаете, инвестиции огромны. А пока давайте пообедаем, доктор?

— Обед, хорошо, — повторил Шелин, чувствуя, однако, что аппетит пропал окончательно.

Огромный купол обсерватории Университета Саро гордо и величественно возвышался на поросших лесом склонах Обсерваторной горы, ослепительно сияя под лучами полуденного солнца. Маленькое красное солнце Довим уже скрылось за горизонтом, но Онус всё еще высоко висел на западном небе, а Треи и Патру в восточной части неба образовали с Онусом диагональ, заливая ярким светом огромный купол обсерватории.

В пяти километрах оттуда, в городе Саро, высокий и подтянутый молодой человек по имени Бини 25 легкой походкой метался по небольшой квартире, которую он делил с Реста 717, собирая научные статьи и книги.

Реста, широко раскинув ноги, с комфортом устроился на потертых зеленых подушках небольшого трехместного диванчика и, нахмурившись, снизу вверх смотрел на нее.

— Куда это ты собрался, Бини?

— В обсерваторию.

— Разве не рано? Обычно ты ходишь туда только после захода Онуса, до этого еще несколько часов.

— У меня сегодня встреча, Реста.

Она бросила на него нежный, манящий взгляд. Оба они были аспирантами, обоим было по двадцать семь-восемь лет, и оба работали ассистентами профессоров. Он занимался астрономией, она — биологией, а в официальном браке они состояли всего семь месяцев. Отношения оставались нежными и страстными, расставаться не хотелось. Но проблемы уже давали о себе знать. Он уходил на работу позже, обычно когда на небе оставалось меньше солнце; она же предпочитала самые живые, самые светлые часы под лучами золотого солнца Онуса. В последнее время он проводил все больше времени в обсерватории, отчасти потому, что их периоды бодрствования редко совпадали. Бини знала, что это тяжело и для него, и для нее. К тому же, работа по расчету орбит Кальгаша, которой он занимался, постоянно требовала новых рук.

<http://bllate.org/book/21124/2143625>